

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МИСТИКА СИЛОВЫХ СТРУКТУР

А.Е. Смирнов,

профессор кафедры философии, психологии
и социально-гуманитарных дисциплин
ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России,
доктор философских наук, доцент

На примере «сакральной социологии» Ж. Батайя раскрывается аффективный способ существования силовых структур и специфика их взаимоотношений с обществом. В качестве итога констатируется, что отношения между гражданским населением и силовыми структурами по определению не являются нейтральными и не могут быть объяснены только спецификой профессиональной деятельности последних. Аффективная природа этих отношений является структурной, она предполагается самой логикой социальной самоорганизации.

On an example of "sacred sociology" Georges Bataille revealed affective mode of existence of power structures and the specifics of their relationship with society. As a conclusion states that the relationship between civilians and security forces, by definition, are not neutral and cant be explained only by the specific professional profile. Affective nature of these relations is structural, it is assumed by the logic of social self-organization.*

Сакральная социология – область знания, разрабатывавшаяся в 1937–1939 гг. Коллежем Социологии – группой французских интеллектуалов, призванная дополнить марксистский социальный анализ исследованием иррациональных фактов социальной жизни. «Коллеж» понимался не как учебное заведение, но как «коллегиум» – экспертное сообщество ученых или даже в соответствии с древнейшей этимологией как высший совет жрецов-друидов, принимающих важнейшие решения по поводу общественной жизни [1, 5]. Лидерами группы были Ж. Батай, Р. Кайуа и М. Лейрис. Следует упомянуть, что значительную роль в работе Коллежа сыграли гегельянцы А. Кожев и Ж. Валь, но также и этнолог А. Левицкий, персоналисты Дени де Ружмон и П. Клоссовски, лингвист Ж. Полан и искусствовед Ж. Дютуй. Существуют косвенные свидетельства об участии в работе кружка В. Беньямина.

Каковы же были цели столь различных по взглядам и интересам людей? В.Ю. Быстров во вступительной статье к книге Дени Олье, представляющей собой комментированный сборник материалов работы Коллежа, выделяет три взаимодополняющие версии ответа на этот вопрос. Две из них можно отнести к теоретическим предпосылкам создания Коллежа (традиция классической французской социологии в лице Э. Дюркгейма, М. Мосса, Л. Брюля, разрабатывающая проблематику сакрального и сюрреализма как «познание непознаваемого» прежде всего в лице А.

* Smirnov A. Sociological mystic power structures.

Бретона), а третью – к социальным: Коллеж Социологии был задуман как художественная и политическая антитеза фашизму. Фашизм живет духом и типом сакрального, связанного с империей, армией и вдохновением убийства. По мнению Батая, общество, основанное на сакральном, всегда сильнее общества, лишённого сакрального измерения. Поэтому «правому» сакральному фашизму необходимо противопоставить «левое сакральное», связанное с духом тайных обществ, с властью, которая погибает, т.е. с религиозной властью, символом которой служит крест, идущий на казнь. Именно этот тип сакрального, как полагали участники Коллежа, и нужно возродить, и это возрождение являлось главной задачей. Научный и политический проекты Коллежа остались нереализованными. Но все же основания сакральной социологии продолжают оставаться важным теоретическим ресурсом, позволяющим, в частности, открыть новую перспективу в отношениях общества и силовых структур. Последнее обстоятельство представляется существенным, так как процессы взаимодействия общества и силовых структур неизбежно сопровождаются целым рядом проблем социально-психологического, государственно-правового и гражданско-правового характера. В зависимости от ситуации проблемы такого рода бывают различной степени важности и остроты, однако в той или иной форме они по понятным причинам существуют в обществе всегда.

Цель статьи – показать, как видятся силовые структуры из перспективы «сакральной социологии». Сначала мы очертим содержание понятия сакрального так, как оно использовалось в Коллеже Социологии Ж. Батаем. Затем из его перспективы мы опишем аффекты, или по выражению Батая, «мистику» силовых структур так, как она предстает в его докладе «Структура и функции армии» и в работе «Психологическая структура фашизма». И, наконец, мы сделаем попытку проецирования методологии сакральной социологии на общество в целом, т.е. попытку развить идею Батая о неустрашимости различия в практике конституирования социальных целостностей.

Что же такое сакральное? Сразу оговоримся, что среди участников Коллежа не было единства по этому вопросу. Интерес сакральной социологии был связан как с деятельностью организаций, функционирующих на основе сакральных принципов (тайные организации, религиозные ордена, армии, политические партии тоталитарного толка и т.д.), так и с концепциями сакрального как такового. В наиболее общем смысле о природе сакрального в понимании Ж. Батая можно сказать следующее. Сакральное двойственно, амбивалентно. Сакральное в одно и то же время возвышенное и низменное, святое и извращенное, чистое и запретное. Sacer – в одно и то же время святое и проклятое. Подобная двойственность сакрального никак не связана с ограниченностью человеческого познания, но является вполне ясным и естественным выражением противоречивой природы самих сакральных феноменов [1, 8]. Запретным, табуированным является то, что каким-то образом спланирует общество. В соответствии с этой точкой зрения

архаические сообщества были объединены неким чудовищным аффектом, имеющем в тоже время природу некой притягательной тайны (каковой по Фрейду является коллективное убийство Отца). [2; 91]. Процедура сакрализации этих ужасающих феноменов есть попытка пережить их невыносимость. Естественно, что сами сакральные феномены не имеют никакого значения вне индивидов, которые бы воспринимали их должным образом, а именно – объединяясь в сообщество. Фундаментальным фактом для Батая было то, что сакральное, хотим мы того или нет, определенным образом *переживается* нами.

Осмысляя понятие сакрального, Ж.Батай в своем проекте социальной антропологии один из первых попытался создать один из вариантов гетерологии – так называемую *гетерономию* – науку об абсолютно другом. Его гетерономия нерасторжимо связывается с концепцией однородных (профанных) и инородных (сакральных) элементов общества [4; 80]. Однородная область социального также характеризуется тем, что исключает инородные элементы. Как выражается Батай, однородность подвергает инородность цензуре.

Инородное же, или сакральное, в пику однородному, амбивалентно: однородное общество отвергает инородные элементы либо как отходы, либо, напротив, как высшую, трансцендентную ему ценность [1;85].

Инородные элементы вызывают у людей аффективные реакции разной силы; они провоцируют как влечение, так и отторжение. Им в разной степени характерны буйство, неумеренность, исступленность, безумие. Инородные и однородные элементы образуют реальности разного порядка. Однородная реальность предстает в абстрактном и нейтральном облике строго определенных и идентифицированных объектов. Инородная реальность – реальность силы и шока. В итоге инородное существование по отношению к повседневной жизни (т.е. к однородному существованию) предстает как нечто совершенно иное, несоизмеримое с повседневностью, как аффект, скандал, эксцесс.

В перспективе концепции Батая, силовые структуры в обществе предстают по отношению к последнему как выраженный инородный элемент [4; 92–94]. Например, для всех времен и народов характерно совершенно особое отношение к военным. Однако упомянутое особое отношение к армии или полиции (от восторженного и уважительного до презрительного и ироничного) не объясняется исключительно социальной значимостью этих институтов. Аффективное отношение социума к людям в военной форме объясняется тем, что силовые структуры *инородны* по отношению к социуму. Это означает, что отношение граждан к ним будет характеризоваться особой интенсивностью. Основанием же инородности в данном случае выступают дисциплина и иерархия, понятия воинской чести и долга, а также аффективный характер воинского единства.

1. Аффективная природа силовой структуры заставляет субъекта, принадлежащего к ней, пережить *субъективацию* – субъектное становление, преобразование субъективности. «Чтобы создать армию, недостаточно,

чтобы люди сражались друг с другом: в первую очередь необходимо, чтобы связи и реакции, формирующиеся при этом, глубоко изменили их сердца, умы и тела <...> Когда образуется некоторое тело, молекулы выстраиваются в новом порядке, а его внешний вид и свойства изменяются. То же самое происходит и с новобранцами в казарме» [3; 139].

2. Силовые структуры не сводимы к своей социальной функции. Каждое воинское объединение создает особое социальное единство. Общество как таковое довольствуется относительно слабыми связями между индивидами, оно не сообщает им смысл существования, не ставит задач, которые нужно решить. Но силовые структуры, как специально созданные сообщества, навязывают сильные устойчивые связи, влияющие на индивидов и изменяющие их. Например, армия, в соответствии с Батаем, «навязывает судьбу»: в предельном смысле «эта судьба становится смыслом существования для каждого, и, чтобы исполнить ее, каждый получает свою особую задачу и, достойно ее решая, должен становится счастливым» [3; 140].

3. Факт принадлежности к силовой структуре возвеличивает. На фоне гражданских людей, принадлежащих самим себе и реализующих свои частные цели, военизированное объединение предстает неким образцовым сообществом, смысл существования которого невозможно редуцировать до утилитарных целей. «Она (армия – А.С.) не является простым инструментом, подобно заводу или полю, а возвеличивает человека, учит его жить, страдать и умирать во имя славы. Она является самодостаточной, но кроме этого еще и служит обществу» [3; 140]. Очень важным представляется следующее замечание Батая, сделанное в этом же месте: «...Армия обладает тем преимуществом, что способна обходиться почти совсем без теории. *В той мере, в какой она скрывает свою природу, она пользуется языком других людей и превозносит свои заслуги*». Все, что принято говорить об армии с точки зрения ее полезности, социальных функций и т.д. – вуалирует ее сакральную природу. «Войско, стоящее по стойке смирно, в некотором роде растворяется в существовании командующего и тем самым растворяется в отрицании самого себя. Положение «смирно» может по аналогии рассматриваться как движение тропического характера (нечто вроде отрицательного гетеротопизма), которое возвышает не только военачальника, но и всех людей, выполняющих его приказ до (геометрически) правильной формы императивной суверенной власти. Поэтому низость, присущая солдатам, – это только исходная низость, которая под военным мундиром преобразуется и превращается в свою противоположность – в порядок и блеск» [4; 93].

4. Самодостаточность силовой структуры находит свое выражение в специфической эстетике, которую следует считать ее атрибутивным качеством. Армия в этом смысле представляет собой совокупность ярких внешних проявлений, вызывающих в эмоциональном плане влечение или отторжение. Это геометрия парада, яркая униформа, музыка, создающая специфический ритм перемещений.

5. Силловые структуры обладают специфическим способом существования. Это «обособленное организованное целое, отличающееся быстрым исполнением, подвижностью и в то же время решительным отрицанием всего, что может ее сдерживать. ...Ясность и быстрота принятия решений, которых она требует и которые реализует в ходе ведения боевых действий, сообщает менталитету, который она представляет, особую интеллектуальную ценность, в достаточной мере бесспорную, чтобы он мог служить образцом для других видов деятельности. Таким образом, армия обладает возможностью вовлекать человеческие сообщества в движение, которое ставит на карту жизнь и устремления индивидов» [3; 141].

6. Формальная фиксация единства в силовой структуре осуществляется посредством некоторого священного символа («подобно тому, как церковь группирует возле себя дома, образующие деревню»). Это может быть предмет, знак, знамя. Роль такого символа может играть и личность (пример Батая: молодая благородная девушка, сидя верхом на богато украшенном верблюде, сопровождает к месту сражения кочевников Аравии). Роль такого символа может играть сам военачальник, независимо от своей роли командира [3; 141].

Итак, мы можем констатировать следующее. Любой тип общества конституируется как концентрация принципиально разнонаправленных элементов, концептуализированных Батаем как отношение системы однородность – инородность. Каждый из этих двух структурных элементов обретает динамическое равновесие во взаимодействии с другим, каждый усиливается за счет отталкивания от другого. Необходимо, однако, иметь в виду следующее. Отношение «однородность – инородность» не является простой бинарной оппозицией. Ее специфика заключается в том, что инородность, как было отмечено выше, амбивалентна, разделена в себе. На наш взгляд, идея Батая должна быть развита следующим образом. Отношение «однородность – инородность» не должно сводиться ни к формально-логическому отрицанию, ни к диалектическому противоречию. Различие между ними должно вводиться как посредник между «инаковостью» и «одинаковостью», избегая насильственного определения иного по аналогии с уже известным, как (не) похожее: чужое как НЕ свое, общественное как НЕ частное и т.д.

В таком случае никакая оппозиция как таковая не в состоянии послужить ключом к социальной тотальности. Общество и полиция, или просто факт противостояния Общему Врагу (Еврей для фашистов, фашисты и коммунисты для либералов, «тоталитаризм» для демократов и т.д.), мыслимый одновременно в качестве принципиальной социальной конституенты и в качестве теоретического, неизбежно является абстрактным.

Наша точка зрения заключается в следующем. Всякое противостояние в обществе, будь то латентная «борьба» общества и государства или же наличие «демократического антагонизма» (Э.Лаклау), является лишь проявлением предшествующего формально-онтологического разрыва, который только и в состоянии конституировать общество. Этот разрыв, эта

граница общества есть граница внутренняя, она проходит через каждого члена общества. Именно благодаря этой границе каждый субъект обладает становящимся, подвижным статусом: субъекты (как коллективные, так и индивидуальные) частично независимы друг от друга, частично – взаимосвязаны.

Нам представляется, что социальный мир с присущим ему специфическим порядком, системой институтов и субординаций в гетерологической перспективе может быть представлен как своего рода первичный и постоянный, латентный и субфундаментальный конфликт. Не является ли конфликт как «полюмос», война неустранимой социальной основой всех отношений и всех институтов власти? Отношения в обществе есть в той или иной мере отношения соперничества и конфликта. Именно поэтому в западных обществах столь высок статус права. Если в качестве примера говорить только о законе (силовые отношения в обществе отнюдь не сводятся только к юридическим), то следует вспомнить, что закон пишется для бодрствующих – каждый должен знать свои права, *бороться* и *отстаивать* их. Закон един для всех. И все же никто не рискнет отрицать, что речь всякий раз идет именно о «наших», точнее «своих» правах. Это право всегда «чьей-то» семьи, национальности, страны. А это всегда особые права, права, несущие отпечаток собственности, завоевания, притязания, победы или поражения. «Можно сказать наверняка, что война способствовала рождению государств: право, мир, закон замешаны на крови и грязи военных баталий. Речь идет не о воображаемых баталиях, о соперничестве, как склонны представлять дело философы и юристы: жестокость государственного правления не представляет собой теоретически выверенный постулат. Закон не рождается из природы, возле источников, посещаемых первыми пастухами; закон рождается из реальных битв, побед, убийств, завоеваний, которые имеют свою дату и своего ужасного героя; закон рождается из сожженных городов, опустошенных земель; закон рождается из агонии невинных младенцев, убиваемых при свете дня» [5; 67].

Общество, закон и государство не возникают как состояние перемирия. Закон не способ перемирия. В присутствии закона латентная война продолжает свирепствовать во всех механизмах власти. Именно конфликт является движущим стимулом институтов порядка. Малейшие проявления мира порождены войной, и в самом мире нужно уметь отыскать присутствие войны. Война – сам шифр мира. Факт войны пронизывает все общество, и именно он определяет нашу принадлежность к тому или иному лагерю.

Силовые структуры государства, стоящие на защите общества, никогда не в силах защитить его в наиболее фундаментальном, онтологическом смысле. Суть общества – в совместности, в нахождении вместе. Однако следует помнить о том, что «быть с, быть вместе и даже быть «объединенными» – это как раз не быть «одним». Единое сообщество – это только смерть, но не та смерть, которую мы ассоциируем с кладбищем, ...но смерть, каковой она видится в пепле крематорских печей или в нагромождении трупов» [6; С.229].

«Общество как одно целое» есть суждение, содержащее противоречие в себе. «Одно целое» и есть то, что содержит в себе мир и не способно на войну. Война, в том числе и не выходящая за рамки права и даже морали, имманентна обществу. И она порождает, возможно, онтологически самый живой тип ненависти, живой настолько, чтобы из него можно было извлечь «великую, лишённую двусмысленности радость, не радость ненависти, а радость от желания разрушить то, что калечит жизнь» (Ж. Делез). Война в обществе не является чем-то случайным, она изначальна. Война не случайна, но необходима, она не есть: она всегда *происходит*.

Подводя итог сказанному, мы хотели бы констатировать следующее:

1. Неустранимое наличие силовых структур в обществе является онтическим проявлением границы или разрыва, которая проходит через любой элемент социальности. Граница общества не является внешней: она проходит в каждом из нас. Именно благодаря (и в то же время *вопреки*) этой границе общество обладает возможностью существовать в качестве себя самого. Социальность – не вокруг чего-то общего, но как *разделение совместности*.

2. Отношения между гражданским населением и силовыми структурами по определению не являются нейтральными и не могут быть объяснены только спецификой профессиональной деятельности последних. Аффективная природа этих отношений является структурной, она предполагается самой логикой социальной самоорганизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Быстров В.Ю. Обезглавленный миф / Коллеж Социологии. – СПб.: Наука, 2004. – 588. С. 5–15.
2. Батай Ж. Влечение и отвращение. I. Тропизмы, сексуальность, смех и слезы / Коллеж Социологии. – СПб.: Наука, 2004. – 588. С. 86–99.
3. Батай Ж. Структура и функции армии / Коллеж Социологии. – СПб.: Наука, 2004. – 588. С. 134–144.
4. Батай Ж. Психологическая структура фашизма / пер. Г. Галкиной // Новое литературное обозрение. М.: ТОО «НЛО», 1995. № 3. С. 80–102.
5. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / пер. с франц., вступ. статья Е.А. Самарской. – СПб.: Наука, 2005. – 312 с.
6. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / пер. с франц. В.В. Фурс под ред. Т.В. Щитцовой. – Мн.: Логвинов, 2004. – 272 с.